

Таким образом, применение проективных методик в нашем исследовании позволило выявить наиболее важные для потребителей психологические составляющие образов конкурирующих лекарственных препаратов. Кроме того, полученные данные позволяют строить концепцию развития бренда, соответствующую ожиданиям потребителей.

Нами были затронуты лишь некоторые стороны восприятия таких социальных объектов как потребительские товары. Анализ процессов формирования адекватного образа такой существенной части окружающего мира, как сфера потребления, с позиций психологии социального познания, приобретает не только большое практическое значение, но и глубокий общенаучный смысл, поскольку позволяет исследовать и характеризовать определенные особенности конкретных индивидов, во-первых, специфику действия социально-психологических факторов на формирование отношений их в соответствующих сферах и особенности опосредованности последних социальными объектами.

Литература

1. Андреева Г. М. Психология социального познания. — М., 1997.
2. Бутрин Д. «Неприличный напиток» // «Компания» № 36 от 6 октября 1998.
3. Веркман К. Товарные знаки. Создание, психология, восприятие. — М., 1986.
4. Гусева О. В. Бренддинг. <http://www.Marketing.Spb.ru>.
5. Искусство рекламы: теория и практика современной рекламы. — Казань, 1992.
6. Котлер Ф. Основы маркетинга. — М., 1990.
7. Крылов Н. В. Маркетинг (Социология маркетинговых коммуникаций). — М., 1998.
8. Майерс Д. Социальная психология. — СПб, 1997.
9. Семеркин А. «Кола для оригиналов» // «Компания» № 39 от 27 октября 1998.
10. Фирсов Б. М., Асеев. Проблемы речевого воздействия на аудиторию в западной социальной психологии. — М., 1973.
11. Чмыхалова Д. А. «Оптимизация имиджа марки на основе анализа мотивов потребительского поведения» // Дипломная работа. — М., 1998.
12. Эванс Дж. Р., Берман Б. Маркетинг. — М., 1993.
13. Ehrenberg A. S. C. «Repeat Buying». — New York, 1988.
14. Haigh D. «Brand Valuation. A Review of Current Practice». — London, 1996.
15. Maital S. Minds, markets and money: Psychological foundation of economic behavior. — Toronto, 1990.
16. Settle R. B., Alreck P. L. Why They Buy. — New York, 1986.
17. Wind Y. J. Product Policy. — Addison-Wesley Publishing Co., Inc., 1982.

Гулевич О. А.

Теоретический анализ и опыт эмпирического исследования правосознания как совокупности социальных представлений о праве

Психология социального познания на сегодняшний день — одна из наиболее популярных и разработанных областей исследования в социальной психологии. Описанию того, как человек познает социальный мир, уделяется много места в американских, канадских и европейских учебниках и справочниках по социальной психологии. Сегодня эта область исследований довольно популярна и у нас в стране [2].

Возможно, это связано с тем, что проблематика социального познания очень широкая. Объектом изучения в данном случае может стать как отдельный человек, так и социальная группа, а предметом — широкий круг феноменов, возникающих в процессе познания. Один из таких феноменов — это правосознание, анализу которого и посвящена эта статья.

Определение правосознания

Под правосознанием обычно понимают совокупность знаний, представлений о праве, его оценок и чувств по отношению к нему, а также

сценариев поведения в правовой сфере, его мотивов и целей. При этом право очень часто приравнивается к действующему законодательству. Степень соответствия содержания правосознания людей тому, что написано в законе, иногда дает возможность исследователям говорить о его полноте, правильности или, наоборот, ущербности. Таким образом, все то, что не соответствует букве закона, оказывается противозаконным.

Однако для того, чтобы сравнивать содержание закона и правосознания и определять степень их соответствия, надо быть уверенным в идентичности их структуры, поскольку, в противном случае, они не смогут быть «наложены» друг на друга. Поэтому целью предлагаемой статьи станет анализ структуры житейского правосознания.

Несколько слов о том, что в дальнейшем будет пониматься под правосознанием.

В зависимости от целей исследования, в качестве основных могут рассматриваться разные компоненты правосознания и разные представления о нем.

В правосознании наиболее часто выделяют три или четыре компонента. В первом случае его структура кажется похожей на структуру аттитюда, поскольку включает в себя когнитивный (знания, представления), оценочный (оценка и эмоциональное сопровождение) и волевой (мотивы и цели, с одной стороны, и навыки, способы действия, с другой) компоненты. При использовании четырехкомпонентной структуры оценочный компонент разбивается на две части: собственно оценочную (оценка людьми правовых норм и явлений) и энергетическую (эмоциональное сопровождение правового поведения).

При описании сущности правосознания обычно используются несколько терминов, каждый из которых связан с набором свойств, приписываемых правосознанию: например, общественное сознание, массовое сознание, социальные представления. Хотя они и используются для описания одного и того же феномена — правосознания, предмет изучения в каждом случае формулируется по-разному. Эти формулировки различаются по нескольким параметрам.

Способ возникновения: в случае употребления для обозначения правосознания терминов «общественное сознание» и «массовое сознание» акцент наиболее часто делается на важности отражения человеком некоторой объективной реальности, прежде всего, социальной экономической, политической, правовой и т.д. В случае же социальных представлений подчеркивается договорной характер человеческих знаний и представлений, то есть в центре внимания оказывается процесс коммуникации между людьми, как на межличностном, так и на групповом уровне.

Субъект: в качестве субъекта правосознания могут рассматриваться как отдельный человек, так и социальная группа. При изучении правосознания как формы общественного сознания, во внимание принимаются обе возможности, то есть речь идет о том, что, хотя правосознание является достоянием отдельных людей, их включенность в социальные группы — малые или большие — влияет на его содержание, примером чему является профессиональное правосознание юристов, учителей или врачей. Субъект правосознания как аспекта массового сознания или как совокупности социальных представлений — большие социальные группы, выделяемые на основе национальной или расовой принадлежности, возраста, пола, гражданства, рода деятельности и т.д.

Целостность и непротиворечивость: при упоминании общественного сознания часто говорят о многообразии и некоторой отделенности друг от друга его форм (правовое сознание, политическое сознание, моральное сознание и т.д.), типов (познание или отношение, обыденное или теоретическое) и элементов, а само по себе правосознание оценивается как структура достаточно непротиворечивая. Употребляя термин массовое сознание, часто упоминают о его нерасчлененности на разные формы и компоненты, а также о его противоречивости, несогласованности между собой разных элементов. И, наконец, в связи с социальными представлениями речь идет

об их включенности в систему, имеющую структуру, состоящую, например, из ядерных и периферических элементов.

Стабильность правосознания: правосознание может различаться по степени своей подверженности изменению. В частности, при употреблении термина общественное сознание часто имеют в виду достаточно стабильное и медленно изменяющееся образование, а в случае массового сознания — мобильный, легко изменяющийся компонент правосознания. Кажется, социальные представления находятся где-то посередине.

Отношение к процессу познания: правосознание может рассматриваться как результат процесса познания (как в случае массового и общественного сознания) и как структура ему предшествующая (при социальных представлениях).

Связь с поведением: правосознание может интересовать нас как самоценное (на первых порах так дело обстоит с общественным сознанием) или в связи с поведением (как в случае массового сознания или социальных представлений).

В дальнейшем в статье речь пойдет о понимании правосознания как системы социальных представлений [5; 6; 12].

То есть субъектом правосознания будет считаться большая группа, выделенная, в основном, на основании гражданства (Россия) и возраста (с 19 до 40 лет). Предполагается, что немаловажную роль в его возникновении играет коммуникация между людьми, как межличностная, так и на уровне средств массовой информации. Правосознание представляет собой не набор отдельных элементов, а целую систему, в которой можно выделить центральные и периферические элементы. При этом одним из ее компонентов являются модели возможного поведения, которые более или менее подробны, а потому регулируют реальные поступки людей, а зачастую формируются на основании уже опробованных способов. В составе правосознания, понимаемого таким образом, присутствует не только вербальный, но и образный компонент. Характеристика правосознания по остальным двум критериям в данном случае не представляется важной. Таким образом, в дальнейшем для обозначения правосознания будет использоваться термин «социальные представления о праве».

Направления изучения правосознания в социальной психологии

Правосознание является объектом изучения разных дисциплин, в частности, философии и социологии. Каким же образом изучается правосознание в рамках социальной психологии? Во-первых, правосознание может быть использовано как новое поле для изучения традиционных явлений и эффектов социальной психологии:

- социализации;
- элементов и процессов, участвующих в социальном познании, например, аттитюдов, стереотипов, социальных представлений, и влияния этих элементов на поведение;
- связи между характеристиками людей, их окружением на уровне больших или малых групп и особенностями их правосознания.

Во-вторых, можно привлечь социально-психологические знания для изучения специальных вопросов, часто заданных практикой, например, связи отношения между правовыми представлениями людей и особенностями вердикта присяжных заседателей, а также возможностью их изменения.

Эти подходы не противоречат друг другу, поскольку относятся к намерениям исследователя, а не к выбору методики или полученным результатам. Результат же оказывается один: привлечение социально-психологических концепций в область правосознания, его формирования, особенностей и связи с поведением.

Какие же социально-психологические понятия и процессы уже изучены в связи с правосознанием? Существует несколько направлений изучения правосознания. Классификацию этих направлений можно провести по двум основаниям: плоскости изучения (процесс или наличное состояние) правосознания и ситуации изучения.

В связи с первым критерием, плоскости изучения, можно выделить три направления исследований: правовая социализация (Курильски, Ожвэн, Арутюнян, Здравомыслова, Cohn, White и др.), правосознание как результат правовой социализации (Волькенштейн, Коган-Ясный, Михайловская, Кузьминский, Мазеев, Трушков, Bohm, Vogel, Maisto и др.) и наличное состояние правосознания.

Второй параметр классификации исследований правосознания — ситуация изучения: в обыденной жизни и в суде. Таким образом, отдельную область исследования составляет изучение характеристик судей и присяжных, которые могут влиять на их решение или вердикт. К социальной психологии эти исследования имеют отношение постольку, поскольку в них изучаются особенности категоризации людьми социального мира и действия в нем на ее основе (ведь вынесение решения может быть рассмотрено как поведенческий акт, наряду, например, с совершением противозаконного поступка). Подобные исследования имеют смысл, в основном, в рамках когнитивистской ориентации, когда вопрос о соотношении содержания сознания на индивидуальном и общественном уровне в явном виде не ставится.

За рубежом существует несколько направлений исследований этой области: исследование факторов, влияющих на решение судьи; влияние факторов, влияющих на особенности атрибуции и решение присяжных заседателей [15; 19; 20; 21]. К ним можно добавить еще один аспект, который особенно интересен русским психологам и социологам: исследование профессионального юридического правосознания, например, работников органов внутренних дел [1; 3; 4; 10].

Структура и содержание социальных представлений о праве

Нами было проведено направленное эмпирическое исследование социальных представлений людей о праве. Проблемную задачу его можно сформулировать следующим образом: правосознание часто изучают как знание и отношение людей к праву (прежде всего, закону) и следование его нормам. Однако можно ли сопоставлять такие объекты как закон и правосознание: одинакова ли их структура настолько, чтобы при сопоставлении содержания одного и другого можно было бы вынести решение о качестве правосознания, например, его полноте и ущербности?

Предметом исследования стали социальные представления людей о преступлении, преступнике, жертве, правовых институтах и работающих в них людях; анализу подверглись — 49 человек в возрасте от 19 до 40 лет.

В исследовании использовались две групповые методики. Одна из них предполагает групповое обсуждение респондентами следующих проблем: правовых вопросов на уровне межличностной коммуникации; представлений о правовых институтах и работающих в них людях (милиция, суд); получения информации правового характера из средств массовой коммуникации и художественных произведений; их представлений о преступлениях и способах их разрешения (включая наказание). Эта методика позволяет обсудить упомянутые темы, выявить критерии оценки каждого из рассматриваемых объектов респондентами, а также контекст, в рамках которого они рассматривают правовые явления.

Вторая методика построена следующим образом: дискуссионная группа состоит из 6—8 человек, которые с самого начала разбиваются на две подгруппы. Сначала каждая из подгрупп должна составить общий список поступков, которые ее члены считают преступлениями, объяснить свой выбор и проранжировать их по тяжести. После этого подгруппы описывают те преступления, которые они признали самым тяжелым и самым легким; их члены «одевают» преступника и жертву и составляют рассказы о происшедшем, его причинах и последствиях, особенностях его участников. Эта методика моделирует процесс межличностной коммуникации и рассчитана не только на выявление представлений людей, но и на обнаружение существующих в них противоречий. Это достигается за счет того, что члены каждой

из подгрупп должны указать на существенные противоречия, возникающие в ходе совместной работы, а потом парировать возражения и несогласия со стороны членов другой подгруппы. Эта методика была выбрана, поскольку она моделирует определенный, но реальный процесс межличностной коммуникации; позволяет рассмотреть, каким образом люди определяют и категоризируют преступления и понять содержание и структуру социальных представлений людей о преступлениях, преступниках и жертве.

Обсуждения записывались, после чего проводился их качественный анализ, который заключался в распределении высказываний респондентов по содержательным категориям.

Полученные в ходе исследования результаты можно сформулировать в виде нескольких гипотез.

Во-первых, содержание житейского правосознания нельзя напрямую сопоставлять с законом, то есть рассматривать его как знание или отношение к нормам закона или правовым явлениям, поскольку оно имеет своеобразную структуру. В частности, люди не работают с точной классификацией преступлений, каждое из которых отличается от другого. При этом каждый отдельный вид преступления описывается, скорее, не с помощью набора признаков, а в виде нескольких наиболее ярких ситуаций — сценариев, скриптов — каждый из которых развивается по своим законам и требует своих героев. В этих описаниях присутствуют как относительно постоянные детали, так и те особенности, которые изменяются от рассказа к рассказу. Анализ частоты встречаемости деталей позволяет выделить центральные и периферические элементы соответствующего рода социальных представлений о преступлениях.

Во-вторых, структуру рассматриваемых социальных представлений о преступлениях можно представить в форме цветка, в центре которого находится признак, по которому объясняются все ситуации, относимые к данному преступлению, например, то, что объединяет все убийства. От этого центра — «сердцевины» — отходят «лепестки» — отдельные ситуации, иллюстрирующие рассматриваемое преступление. Каждый из этих «лепестков», в свою очередь, состоит из центральных (наиболее часто повторяющихся) и периферических (изменчивых) элементов. Кроме того, такие структуры содержат специальные элементы, отвечающие за связь данного представления о преступлении с содержательно иными представлениями, затрагивающие, например, деятельность правовых институтов.

В-третьих, социальные представления о преступлениях включают в себя и описание способов разрешения каждой из ситуаций, способов поведения в ней, которые вполне могут спровоцировать реальные поступки людей.

И, наконец, в-четвертых, содержание социальных представлений, высказываемых людьми, в некоторой степени соответствует тому, о чем речь идет на уровне средств массовой информации.

Итак, рассмотрим, какие именно поступки люди считают преступлениями. Наиболее часто в список преступлений попадают (упоминаются более, чем в четырех из восьми списков):

- убийство, которое всегда стоит на первом месте, то есть считается наиболее тяжелым;
- изнасилование (в большинстве случаев мужчиной женщины, но иногда имеются в виду и противоположные случаи), как правило, расположено в первой половине списка;
- кражи у человека, а не у общества, могут стоять как в первой, так и во второй половине списка (чуть реже грабежи и разбои);
- распространение (продажа) наркотиков, реже — оружия;
- так называемые должностные преступления (взяточничество, коррупция, причинение политическими деятелями своими действиями вреда стране);
- экономические преступления (воровство на государственном уровне, казнокрадство);
- шпионаж по отношению к своей стране (измена Родине);

- хулиганство, нарушение общественного порядка (как правило, стоит в конце списка);
- агрессия против целого народа или расы (геноцид, расизм, разжигание межнациональной розни).

При ранжировании преступлений по тяжести иногда возникают проблемы, связанные с вечной дилеммой: что важнее — человек или общество? (что страшнее — украсть у конкретного человека или у большого предприятия).

Те категории, по которым преступления были распределены выше, не идентичны тем, которыми пользуются люди для классификации преступлений. Качественный анализ материала показывает, что способ объединения преступлений в одну категорию различен у разных респондентов, то есть для выяснения критериев объединения необходимо использование дополнительных методов, например, проведение семантического дифференциала.

Можно привести несколько примеров таких различий. Например, убийства могут различаться респондентами по степени умышленности, но этого может и не происходить; ограбления могут объединяться с кражами, а могут рассматриваться отдельно; терроризм, продажа наркотиков и оружия, а также нанесение телесных повреждений могут быть объединены в одну категорию потому, что все они ведут к гибели человека и т.д.

Кроме того, в представлении людей разные преступления не имеют вид непересекающихся целостностей, каждая из которых отличается от другой набором признаков. В одном и том же списке могут оказываться как общие категории преступлений, так и их частные случаи: например, сначала воровство, как у человека, так и в масштабах страны, а в конце — казнокрадство; или терроризм — это «то же самые убийство», но он «не всегда заканчивается убийством». Можно предположить, что эти частные случаи выделяются потому, что они актуальны, о них много говорят, а потому они представляются как отдельные сюжеты, скрипты [2].

Именно скрипты (в их широком понимании), которые включают в себя как последовательность действий, так и характеристики персонажей, поскольку, называя преступления, люди, по-видимому, имеют в виду не понятия, а набор отдельных ситуаций: для терроризма это захват заложников, для убийства животных это случаи типа браконьерства или «когда дети издеваются над кошкой», для нанесения тяжких телесных повреждений это, кроме всего прочего, и вырезание органов. Этот вывод можно сделать не только на основании высказываний респондентов при создании списка преступлений, но и при анализе того, каким образом они выбирают ситуации преступления для рисования и составления рассказа. Например, в одной из экспериментальных подгрупп, участники, пытаясь нарисовать сцену хулиганства, не раз задавали вопрос, что «мы будем понимать под хулиганством», однако в их ответах заключалось описание конкретных ситуаций, а вовсе не определение. Это не означает, что при желании эти люди не смогут определить, что такое хулиганство в целом, но, по-видимому, созданное определение будет результатом специальной работы, которая обычно не проводится.

Для помещения поступка в список преступлений люди пользуются достаточно большим набором критериев. Каждый поступок может отвечать или нескольким основаниям, или только одному из них. Такие критерии можно условно разделить на несколько групп.

Нанесение ущерба человеку.

- Покушение на жизнь и здоровье человека, потому, что оно вызывает выпадение человека из активной жизни, невозможность обеспечить себе нормальное существование, возникновение уродства; подчеркивается отсутствие права распоряжаться человеческой жизнью.
- Нанесение моральной травмы, которая, кроме всего прочего, может быть связана с лишением человека свободы действий и возможности самореализации или с унижением его достоинства, приводит к тому, что он не может в дальнейшем или настоящем жить полноценной жизнью. Особенно опасны действия против неокрепшей психики несовершеннолетних.

- Лишение человека его прав, например, тех, которые записаны в Декларации прав человека или гарантируются государством.
- Покушение на собственность человека.

Нанесение ущерба обществу и государству:

- ухудшение экономического и политического положения страны;
- физическое уничтожение общества, посредством убийства человека или группы людей;
- нарушения общественного порядка.

Намерения человека, совершающего поступок, влияющие на то, будет ли он признан преступлением:

- намеренность (как в случае убийства или нанесения ущерба стране государственными деятелями) или направленность против чужой жизни;
- свобода действия (то, что сделано по приказу — не преступление);
- мотив (корысть при нанесении ущерба стране политическими деятелями);
- нарушение человеком своих обязанностей (в случае, например, взяточничества);
- отсутствие практической необходимости или возможность добиться цели другим способом (при терроризме).

Прочие основания:

- нелегальность, неразрешенность (в случае продажи наркотиков);
- укорененность в культуре, традиционность действий (как при работорговле);
- действия оппонента («Когда чеченцы на территории нашей страны захватывали заложников, я не считаю это терроризмом, поскольку наши войска делали то же самое на их территории»).

Последние два типа критериев упоминаются редко и служат, скорее, для «отсекаания» лишних случаев, чем для выделения основных.

Выделенные критерии были высказаны самими респондентами. Однако остается непонятным место этих ответов на вопрос «Почему Вы поместили в список каждый из поступков?» в процессе составления перечня. Они могли существовать заранее, и тогда мы имеем дело со стандартной процедурой помещения объекта в какую-то категорию по основным признакам. В этом случае стоит предположить, что «преступление» включает в себя несколько относительно независимых частей, например «преступления против личности» и «преступления против государства», поскольку единственный явный признак, по которому можно было бы собрать все предложенные преступления воедино — это прямое или косвенное нанесение вреда (физического, экономического и т.д.) человеку: только в единственном случае речь шла о нанесении ущерба любому живому существу.

Однако есть и второй вариант: список преступлений сначала был составлен, а определяющие особенности были выделены потом. В этом смысле очень показательно нанесение морального вреда, типа лишения человека свободы действий и самовыражения в случае насильственного удержания его в неволе, поставленного в одном из списков на четвертое место по тяжести. Но только ли таким образом можно лишить человека свободы действий и самореализации? Или, может быть этот способ просто наиболее яркий и потому является примером?

Предположим, что поступок оценен как преступление единогласно. Интересно проанализировать ситуации, составляющие его. Рассмотрим структуру социальных представлений о преступлении на примере убийства.

Убийство, как правило, представляется в виде двух разных ситуаций — убийства с целью ограбления и так называемой «бытовухи» (из семи проанализированных описаний убийств три относились к первому виду, а три — ко второму).

Сценарий убийства на бытовой почве описывается примерно следующим образом:

«Наверное, это пятница (настоящая суббота — это пятница), наверное, собрались муж и жена вдвоем, к ним зашли еще какие-то из гостей, посидели, выпили, еще посидели, еще выпили — ситуация вообще-то классическая... После этого гости разошлись в невменяемом состоянии. И, возможно, разразилось то, что мы называем ссорой на бытовой почве, скандал. А в подобных семьях, насколько я знаю, нет запретов ни на нецензурную брань, ни на рукоприкладство, поэтому произошла потасовка. Оружием преступления, в данном случае, стал утюг, который был тут же, на кухне».

В процитированном описании есть как детали, переходящие из рассказа в рассказ, так и весьма изменчивые подробности. И те, и другие могут относиться как к развитию событий, так и к личностным характеристикам персонажей.

Для персонажей относительно постоянными являются пол: агрессор чаще муж, чем жена, и если даже респонденты выбирают в качестве агрессора жену, то все равно описывают и тот вариант, когда убийца — муж. Относительно постоянен и возраст персонажей — за сорок лет, как правило, они имеют детей.

Муж — убийца, как правило, обладает следующими характеристиками: его профессия не связана с интеллектуальным трудом, это человек, у которого все лучшее позади и который в настоящее время ведет пассивное существование, поскольку потерял работу (или просто не имеет денег), неудовлетворен жизнью, от нереализованности или собственной никчемности, довольно тихий, когда трезвый, но употребление алкоголя делает его раздражительным и агрессивным. Пьет он, кстати, много и часто.

Однако хобби мужа могут быть достаточно различными — телевизор, домино, карты, шахматы, народные промыслы (резьба по дереву). Он может быть здоров или болен, может любить свою жену или нет, и его поведение, инициирующее ссору, также может иметь альтернативы: ревность, обида на то, что ему не дали денег, агрессия по отношению к детям, претензии к жене, но в любом случае это простые, «семейные» причины. Иногда предполагается, что возникшая ссора далеко не первая.

Описание жены более противоречивое. Через все истории проходит ее описание как женщины, замученной бытом и безденежьем, без особых интересов, зато занятой домом, детьми, мужем. Она может быть как с высшим образованием, так и без него, работать или нет; быть скромной и заботливой, довольно конфликтной женщиной, которая может постоять за себя и «пилит» мужа или порядочной, любящей и жалеющей его. Женщина, зачастую, сама может спровоцировать убийство, отказав мужу в деньгах, предъявив ему претензии или заступившись за детей.

Для обоих персонажей, как для семьи в целом, характерно плохое материальное положение, однообразие жизни.

Сама история преступления также разворачивается по правилам. Во-первых, хотя бы один из участников конфликта пьян: в двух случаях из трех все началось с совместной выпивки, а в третьем выпил только муж. Место действия — кухня. Скандал начинается внезапно, его причина обыденна. Изменяется от описания к описанию орудие убийства — то, что попадает под руку — нож, утюг или топор; наличие или отсутствие нецензурной брани и драки; конкретный инцидент, с которого все начинается. История заканчивается следующим образом: соседи или сам убийца вызывают милицию, она приезжает быстро; убийцу берут с поличным и он не отрицает свою вину. Происходит суд, ему дают пятнадцать лет.

Любопытно, что в том единственном случае (из четырех, поскольку одна из групп предложила сразу два варианта, где убийца и жертва менялись местами), когда убийцей оказывалась женщина, ее поведение описывалось как «менее агрессивное» — она либо защищалась, либо нападала в состоянии аффекта. В результате ее осуждали на меньший срок наказания или вовсе оправдывали на основании того, что убитый постоянно мучил ее и детей.

Респонденты приводили разные по степени непосредственности причины происшедшего. Отдаленные причины — от состояния общества в целом, где такая семья считается нормальной, до конкретных особенностей жизни семьи — отсутствие работы, безденежье, чья-то болезнь, отсутствие целей

и стимулов к нормальной жизни, постоянное пьянство связаны с созданием атмосферы, в которой такое убийство может произойти. Непосредственные причины — это врожденная предрасположенность убийцы к агрессии, внешне возникающая ревность или злость в ответ на поведение жертвы, усугубляемая употреблением алкоголя. Для респондентов часто оказывается сложным выделить единственную главную причину или хотя бы сказать в ком она — преступнике, жертве или обстоятельствах.

Второй распространенный сюжет убийства — убийство при ограблении. Преступнику, совершающему такие убийства, мужчины, не более сорока лет, денег не хватает. По натуре он человек злой, неудачник. То есть не нашел своего места в жизни, иногда считает, что никому не нужен.

Его внешний вид изменяется от рассказа к рассказу: он может быть одет совершенно обычно, похож на уголовника или обладать каким-то одним предметом, подтверждающим его статус (кроссовки). То же самое происходит с родом занятий: он может заниматься «неинтеллектуальным трудом», не иметь профессии вовсе (но при этом считать себя коммерсантом) или человеком, потерявшим работу. Он может принимать наркотики или не делать этого.

Что касается жертвы, то это, как правило, женщина, которая хорошо обеспечена, что может демонстрировать ее яркий броский вид (одежда, драгоценности, сотовый телефон, квартира, машина). Ее возраст и профессия не имеют определяющего значения: она может быть молодой девушкой или пенсионеркой, интеллигентной женщиной или работать в казино стриптизершей ради денег и вести легкомысленный образ жизни.

Ситуация преступления развивается следующим образом: преступник пытается совершить ограбление, вломившись в квартиру, лифт или подойдя к женщине на улице (место не имеет большого значения) и сталкивается с препятствием: жертва пытается оказать сопротивление, чаще всего закричать (иногда позвонить по телефону или оскорбить налетчика), то есть становится помехой. Он этого не ожидает и убивает ее, испугавшись. Оружие — пистолет или нож. Любопытно, что убийца в этой ситуации трезв, по крайней мере, упоминаний о том, что он пил, нет, только наркоман находился в состоянии «ломки».

Происходящее никто не видел и не слышал, но если бы даже это случилось, никто бы все равно не помог.

Конечно, преступника могут «взять» через некоторое время, на другом преступлении или из-за того, что он много наследил, но, скорее всего, он остается безнаказанным. Возможно, если он совершает преступление в первый раз, то может и раскаяться в содеянном и сам все рассказать, в противном случае ничего подобного не происходит.

Любопытно, что в качестве причины в данном случае настойчиво упоминают жертву: если бы она не закричала, осталась бы в живых. Возможно, что в данном случае имеет место один из феноменов атрибуции ответственности, следствие веры человека в справедливый мир: чем тяжелее последствия произошедшего, тем больше вероятность того, что ответственность припишут жертве. Однако необходимо заметить, что в случае бытового убийства этого не происходит.

Для преступника — обязательно нужда в деньгах, может быть предрасположенность к агрессии или плохое физическое состояние («ломка» у наркомана). Иногда для объяснения случившегося привлекается и состояние общества.

В описанных социальных представлениях есть элементы, которые отвечают за их связь с представлениями о работе правовых институтов и о людях, работающих в них. Во-первых, убеждение в том, что дело, переданное в суд, почти всегда заканчивается осуждением подсудимого, позволяет связать каждую из ситуаций с представлением о суде как о карающем органе. Во-вторых, приезд и успешное завершение дела работниками милиции только в том случае, когда убийца сам признался в содеянном или когда есть много свидетелей и улики, соединяет эти ситуации с негативно окрашенным представлением о милиции. Другой пример наличия в структуре социаль-

ных представлений о преступлениях подобного же элемента — обращение в милицию жертвы хулиганства или вымогательства, которое, по мнению респондентов, все равно бы ничего не дало.

Тот факт, что отношение к работникам правовых институтов часто весьма негативно, не является неожиданностью. Интересно другое — по каким критериям оцениваются, например, милиционеры.

Рассказы респондентов о милиции обычно оказываются очень информативными, очевидно, потому, что с ее работниками люди сталкиваются чаще, чем с судьями, адвокатами, прокурорами.

Работник милиции оценивается по следующим параметрам:

- законопослушности;
- качественному выполнению своих обязанностей;
- тяжести работы, ее перегруженности страшными событиями и картинами;
- неподкупности;
- некоторым личностным характеристикам, например, жестокости;
- культуре внешнего вида и общения;
- образовательному уровню; месту жительства.

Любопытно, что часто, негативно оценивая действия и характерные особенности работников милиции, респонденты предпочитают объяснять их недостатками политической и экономической системы, которая рассчитана на то, чтобы эксплуатировать простых граждан и создавать законы, полезные только для их непосредственных авторов. Таким образом, ответственной за все оказывается ситуация, сложившаяся в стране, за которую отвечают «верхи». Из этого следует два интересных момента. Во-первых, оказывается, что правовые проблемы рассматриваются респондентами как следствие проблем экономических и политических, а не как самостоятельный феномен. И, во-вторых, в данном случае мы сталкиваемся с фундаментальной ошибкой атрибуции наоборот: наблюдатели приписывают причину поведения деятелей — ситуации. Этот эффект может быть порожден несколькими обстоятельствами. Во-первых, респонденты рассматривают нескольких работников правовых институтов не как конкретных людей, а как представителей системы. Во-вторых, несмотря на то, что респонденты разделяют себя и «их» (милиционеров, например), они объединяют себя с ними по критерию отсутствия возможности повлиять на ход дел в стране, противопоставляя получившуюся при таком объединении группу — «власти», «систему». А потому, они выступают уже не просто в роли наблюдателей, перенося свои трудности и на работников правовых институтов.

Несколько слов о наличии в структуре социальных представлений о праве соответствующих способов разрешения возникающих конфликтов. Иногда эти элементы являются одновременно и «связками» двух разных по содержанию групп представлений, о которых речь шла выше.

Ситуации, входящие в состав социальных представлений о преступлении, содержат в себе и способы их разрешения. Например, человек, пострадавший от действий хулигана, как правило, ничего не предпринимает: он не станет отвечать обидчику и не пойдет подавать жалобу в отделение милиции, то есть сделает вид, как будто ничего не случилось. А в случае дорожно-транспортного происшествия, шофер, сбивший пешехода, останавливается тут же на месте рассчитывается с потерпевшим, заплатив, например, за его лечение, поскольку контакт с правоохранительными и судебными органами обойдется ему дороже. Пешеход тоже предпочтет получить деньги, чем увидеть сбившего его водителя в тюрьме.

И, наконец, еще об одном моменте — предположении о том, что социальные представления людей о преступлениях и правовых институтах подобны описаниям, которые транслируются в средствах массовой коммуникации, в первую очередь, по телевидению. Сегодня существует ряд телевизионных передач, так или иначе связанных с правовыми проблемами: от репортажей с места происшествия типа «Дорожного патруля» до заседаний

телевизионных судов присяжных («Суд идет», «Слушается дело»). Кроме того, информация правового характера периодически возникает и в неспециализированных передачах.

Таким образом, средства массовой коммуникации становятся трансляторами социальных представлений о праве. Их роль особенно велика в тех областях, с которыми большинство людей не сталкиваются непосредственно. Убийство — из их числа: вероятно поэтому, респонденты рисуют более менее однородные картины происшедшего. Однако для описания хулиганства, вероятность личного столкновения с которым для людей более высока, используются разные ситуации.

Разные варианты «социальных представлений» о праве могут заимствоваться респондентами из разных источников. Например, характер описания убийств на бытовой почве должен быть обусловлен информацией, предлагаемой в передачах, построенных как репортажи с места событий. С другой стороны, эти репортажи обычно не содержат негативной информации о работниках милиции. Очевидно, эта часть системы представлений о праве заимствована из других источников, может быть более старой, а потому выступать в качестве фильтра для новой, близкой по тематике информации.

Таким образом, в данном случае речь идет не об одностороннем и тотальном влиянии телевизионных передач на зрителей. Вопрос о том, что первично — желания зрителей, влияющие на отбор журналистами информации, или сами сообщения средств массовой коммуникации, оказывающие воздействие на аудиторию — вечен. Возможно, имеет смысл в данном случае рассматривать средства массовой коммуникации не столько как средство прямого воздействия, сколько как один из уровней, на котором идет обсуждение правовых проблем, и конфликт между разными позициями становится явным. Наличие этого уровня не отрицает важности другого — межличностной коммуникации, в которой могут быть задействованы не только содержания правовой сферы, получаемой из средств массовой информации, но и собственный опыт участников, который также участвует в создании системы социальных представлений о праве.

Вышеописанные результаты позволяют выйти за границы изучения правосознания как результата непосредственного отражения реальности и рассматривать его как продукт коммуникации между людьми, как межличностной, так и на уровне средств массовой коммуникации. В то же время, правосознание не есть только результат манипуляций каких-то внешних по отношению к его обладателю сил, поскольку собственный опыт человека, характер его деятельности накладывает отпечаток на содержание его правовых представлений.

Интерес к прототипическим ситуациям преступления, описаниям его персонажей и оценке деятельности правовых институтов — не праздный, поскольку все они играют роль в процессе, в них уже объективно заключается «приписывание» причин и ответственности участникам разных криминальных ситуаций, что может вести к тем или иным действиям или требованиям со стороны субъекта правовых представлений.

Поэтому развертывание таких исследований может обеспечить не только более подробные сведения о содержании и структуре правовых социальных представлений конкретных лиц и групп индивидов (которые зачастую воспринимаются нами как более реальные, чем нормы закона), но и условиях их возникновения и трансформации на разных уровнях коммуникации.

Литература

1. Абдумомунов А.А. Формирование правосознания работников органов внутренних дел. — М., 1995.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. — М., 1997.
3. Баранов Н.П. Профессиональное правосознание работников ОВД. — М., 1991.
4. Бохан В.Ф. Психологический анализ содержания судебного убеждения // Вопросы судебной психологии. — Минск, 1970. Стр. 34—53.
5. Долицов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. — М., 1987.

6. Калькова В.Л. Исследование социальных представлений в европейской социальной психологии (сводный реферат). Общественные науки, серия Социология. — М., 1992, № 4. Стр. 92—109.
7. Курильский-Ожегов Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М. Образы права в России и Франции. — М., 1996.
8. Михайловская И.Б., Кузьминский Е.Ф., Мазаев Ю.Н. Права человека в массовом сознании. — М., 1990.
9. Отношение к проблеме смертной казни: исследование, проведенное фирмой «Validata Yankovich» по заказу общества против смертной казни и пыток «Право на жизнь». Сост. Волькенштейн Н.М., Коган-Ясный В.В. — М., 1994.
10. Соколов Н.Я. Профессиональное правосознание юристов. — М., 1988.
11. Трушков И.Н. Социокультурные особенности отношения к закону. — СПб, 1995.
12. Якимов Е.В. Теория социальных представлений в социальной психологии: дискуссии 80—90 годов. — М., 1996.
13. Bohm R.N. Retribution and capital punishment: toward a better understanding of death penalty opinion // Journal of criminal justice. 1992. Vol. 20. P. 227—236.
14. Bohm R.N., Vogel R.E., Maisto A.A. Knowledge and death penalty opinion: panel study // Journal of criminal justice. 1993. Vol. 21. P. 29—45.
15. Brems C., Wagner P. Blame of victim and perpetrator in rape versus theft // Journal of social psychology. 1994. Vol. 134. P. 363—374.
16. Cohn E.S., White S.O. Cognitive development versus social learning approaches to studying legal socialization // Basic and applied psychology. 1986. P. 195—209.
17. Cohn E.S., White S.O. Legal socialization: a study of norms and rules. — N.Y., 1990.
18. Cohn E.S., White S.O. The relationship between legal reasoning and behavioral context. // Droit et Societe. 1991.
19. Saks M.J., Hastie R. Social psychology in court. Van Nostrand Reinhold Company, 1978.
20. Severance L.J., Goodman J., Loftus E.F. Inferring the criminal mind: toward a bridge between legal doctrine and psychological understanding // Journal of criminal justice. 1992. Vol. 20. P. 107—120.
21. Vinson D.E. Jury trials: The psychology of winning strategy. Charlottesville, Virginia, 1978.